

11. Тер-Петросян, Л. Крестоносцы и армяне / Л. Тер-Петросян. – Т. 1. – Ереван, 2005 [на арм. яз.].
12. Albert of Aachen. *Historia Ierosolimitana: History of the Journey to Jerusalem* / ed., trans. S. B. Edgington. – Oxford, 2007.
13. Anonymi auctoris *Chronicon ad A.C. 1234 pertinens* / trad. A. Abouna. – Louvain, 1974.
14. Beaumont, A. A. Albert of Aachen and the County of Edessa / A. A. Beaumont // *The Crusades and Other Historical Essays, Presented to Dana C. Munro by His Former Students*. – N. Y., 1928. – P. 101–138.
15. Dédéyan, G. Les Arméniens entre Grecs, Musulmans et Croisés. Etude sur les pouvoirs Arméniens dans Le Proche-Orient Méditerranéen (1068–1150) / G. Dédéyan. – T. 1–2. – Lisbonne, 2003.
16. Dowsett, C. J. F. A Twelfth-century Armenian Inscription at Edessa / C. J. F. Dowsett // *Iran and Islam: In memory of the late Vladimir Minorsky* / ed. C. E. Bosworth. – Edinburgh, 1971. – P. 197–227.
17. Ekkehardi Uraugiensis abbatis *Hierosolymita* / hrsg. H. Hagenmeyer. – Tübingen, 1877.
18. Fulcheri Carnotensis. *Historia Hierosolymitana (1095–1127)* / hrsg. H. Hagenmeyer. – Heidelberg, 1913.
19. Guiberti Novigenti *Historia quae inscribitur Dei gesta per Francos* / ed. R. B. C. Huygens. – Turnhout, 1996.
20. Laurent, J. Des Grecs aux Croisés: étude sur l'histoire d'Edesse entre 1071 et 1098 / J. Laurent // *Byzantion*. – 1924. – T. 1. – P. 367–449.
21. Luders, A. *Kreuzzüge im Urteil syrischer und armenischer Quellen* / A. Luders. – Berlin, 1964.
22. Platelle, H. *Présence de l'au-delà: Une vision médiévale du monde* / H. Platelle. – P., 2004.
23. Snoek, G. J. C. *Medieval Piety from Relics to the Eucharist: A Process of Mutual Interaction* / G. J. C. Snoek. – Leiden; N. Y., 1995.
24. Ter-Grigorian Iskenderian, G. *Die Kreuzfahrer und ihre Beziehungen zu den armenischen Nachbarfürsten bis zum Untergange der Grafschaft Edessa* / G. Ter-Grigorian Iskenderian. – Weida in Thüringen, 1915.
25. *The Historia Ierosolimitana of Baldric of Bourgueil* / ed. S. Biddlecombe. – Rochester; N. Y., 2014.
26. *The Historia vie Hierosolimitane of Gilo of Paris and a Second, Anonymous Author* / ed., trans. C. W. Grocock, J. E. Siberry. – Oxford, 1997.
27. *Willemi Tyrensis Archiepiscopi Chronicon* / ed. R. B. C. Huygens. – Turnhout, 1986.

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕГРАЦИИ АРАВИИ В СОСТАВ САСАНИДСКОЙ ДЕРЖАВЫ

В. А. Дмитриев

Псков, Псковский государственный университет, dva_psk@mail.ru

Автор утверждает, что подчинение Восточного и Южного побережья Аравии Ардаширу Папакану следует рассматривать как первый этап длительной борьбы Сасанидов за установление персидского господства над прибрежной зоной Аравийского полуострова от Южного Ирака до Йемена.

Ключевые слова: Аравия; Ардашир Папакан; Сасаниды.

The author argues that the subjugation of the Eastern and Southern coast of Arabia by Ardashir Papakan should be considered as the first stage of the Sassanids long struggle for the establishment of Persian rule over the coastal zone of the Arabian Peninsula from Southern Iraq to Yemen.

Keywords: Arabia; Ardashir Papakan; Sassanids.

В середине – второй половине 230-х гг., вскоре после покорения основной части бывших владений парфянских Аршакидов, основатель персидской державы Сасанидов Ардашир Папакан (224–242) провел победоносную кампанию в Аравии, подчинив восточное (Бахрейн) и юго-восточное (от Омана до Хадрамаута включительно) побережье Аравийского полуострова.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: насколько же надежными были позиции Ирана в этом относительно удаленном от основной территории Сасанидского государства регионе? С одной стороны, основание Ардаширом на аравийском побережье Персидского залива нескольких городов, одновременно являвшихся опорными пунктами персов в завоеванных областях, дает основание полагать, что контроль первых Сасанидов над Восточной Аравией был достаточно прочным. Однако, как показали дальнейшие события, зависимость от Ирана территорий, покоренных персами в Аравии в период правления Ардашира Папакана, оказалась временной по своему характеру и хронологически была ограничена, скорее всего, правлением его сына Шапура I (242–272) и внуков – Ормизда I (272–273) и Варахрана I (273–276). Первые признаки активизации борьбы арабов против персидского владычества предположительно могут быть отнесены уже к царствованию внука Шапура I и сына Варахрана I – царя Варахрана II (276–293). На одном из рельефов этого шаханшаха, носящем явно триумфальный характер, изображена делегация арабов, явившаяся на аудиенцию к шаханшаху и доставившая (очевидно, в качестве дани) большое количество лошадей и верблюдов.

Письменные источники ничего не сообщают о походах Варахрана II против арабов (ни живущих на Аравийском полуострове, ни осевших в Сирии или Месопотамии), в связи с чем данная сцена не может быть однозначно интерпретирована с точки зрения того, какие именно события в ней отражены.

В. Г. Луконин предполагает, что изображенные здесь арабы – «скорее всего население Хиры, лахмиды, находившиеся в то время под протекторатом царей Месены», а сам рельеф посвящён «результатам военной (карательной) экспедиции в этот “удел” войск Варахрана II», которая могла относиться «ко времени похода в Иран императора Кара (282 г.)» [1, с. 54]. Вероятно, В. Г. Луконин исходит из того, что вскоре после победоносного вторжения в Иран римского императора Кара (282–283), войска которого дошли до самого Ктесифона, Варахрану пришлось подавлять происходившие в разных частях Персидской державы восстания (SHA. XXX.8.1) (которые и сделали возможным успех римлян), и одним из них, действительно, могло быть восстание хирских арабов. Однако нельзя полностью исключать и того, что Варахран II организовал карательный поход против не месенских, а аравийских арабов, которые, пользуясь ослаблением Сасанидской державы в конце III в., уже тогда могли беспрепятственно совершать набеги на территорию Южного Ирака и Фарса; в таком случае экспедиция Варахрана II на Аравийский полуостров, если она действительно имела место, отчасти преследовала те же цели, что и вторжение туда Ардашира I несколькими десятилетиями раньше.

Иную интерпретацию сюжета, представленного на данном рельефе, предлагает Б. Оверлет [2]. По его мнению, здесь действительно изображен визит ко двору Варахрана II делегации арабов, но не хирских, а йеменских. С опорой на одну из сабейских надписей, содержащих упоминание о посольстве химьяритов в Ктесифон, автор высказывает и весьма убедительно аргументирует точку зрения, согласно которой и указанная надпись, и рельеф в Бишапуре отражают одно и то же событие. Как полагает Б. Оверлет, йеменское посольство в Персию состоялось в начале правления Варахрана II (между 276 и 279 гг.) и было организовано Шаммаром Йухаришем – «царем Сабы, ду-Райдана, Хадрамаута и Йамната»; целью миссии являлось заручиться поддержкой со стороны могущественной Персидской державы в преддверии «аннексии Химьяром своих соседей» [2, р. 221]. Если гипотеза Б. Оверлета верна, то контакты между Шаммаром Йухаришем и Варахраном II являются дополнительным подтверждением высказанного нами выше предположения о возможности установления клиентских отношений между Йеменом и Ираном уже при Ардашире I.

Х. Робен подверг критике позицию Б. Оверлета и выдвинул собственную трактовку данного сюжета. В частности, он предположил, что на рельефе в Бишапуре изображен не Варахран II, а Нарсе [3, р. 273, 295], однако при этом поместил йеменское посольство в Персию в период между 296 и 310 гг., захватив тем самым, помимо царствования Нарсе (293–303), не только период правления Ормизда II (303–309), но и первый год пребывания (пусть и номинального) на троне Шапура II (309–379). По причине указанных хронологических нестыковок (в данном контексте – весьма существенных), а также в силу полного игнорирования Х. Робеном ряда важнейших атрибутирующих признаков (главным из которых в сасанидской иконографии является, как известно, форма царской короны), указывающих на то, что героем бишапурского рельефа является именно Варахран II [4, 166], точка зрения французского исследователя вызывает гораздо меньшее доверие, нежели позиция критикуемого им Б. Оверлета.

Но даже если допустить, что каких-то явных конфликтов между арабами Аравийского полуострова и Ираном при Варахране II еще не происходило, то, как показали последующие события, это оказалось делом ближайшего будущего. Явные признаки того, что Аравия все же вышла из-под контроля Сасанидов, обозначились уже к началу IV в., когда в годы малолетства шаханшаха Шапура II (309–379) арабы совершенно безнаказанно вторгались в прилегающие к Персидскому заливу районы Ирана, «считая Парс своим пастбищем» [5, р. 54], причем «никто из персов не был в состоянии дать им отпор» [5, р. 52]. Неслучайно поэтому, что одной из первых внешнеполитических акций Шапура II станет именно военная экспедиция в Аравию, которая, с одной стороны, во многом будет повторять логику аравийской кампании Ардашира Папакана, а с другой, продемонстрирует серьезность намерений Сасанидов в отношении Аравийского полуострова.

Реконструируемая на основе письменных и изобразительных источников картина событий, происходивших в Восточной Аравии после смерти Шапура I, достаточно хорошо подтверждается археологическим материалом. Находки сасанидских монет на территории от Бахрейна до Северного Омана включительно указывают на более или менее постоянное присутствие Сасанидов в Восточной и Юго-Восточной Аравии в течение правления Ардашира I и Шапура I [6, р. 126, 129, 131]. Следующий период, которым датируются обнаруженные здесь сасанидские монеты, приходится уже на годы правления Шапура II [6, р. 126–131]. Таким образом, отрезок в несколько десятилетий, разделяющих царствования Шапура I и

Шапура II, в аравийском археологическом материале сасанидскими монетами совершенно не представлен, что, несомненно, было обусловлено утратой персами контроля над Восточной Аравией. Интересно, что монет Ардашира I и Шапура I здесь обнаружено всего четыре экземпляра (три из них были отчеканены при Ардашире и одна – при Шапуре), в то время как монет, датированных временем Шапура II, – уже 21 [6, p. 131]. Отчасти такая картина может объясняться чрезвычайно продолжительным царствованием последнего, длившимся целых 70 лет, однако главной причиной столь резкой активизации в Восточной Аравии денежного обращения с использованием сасанидских монет, безусловно, являлось не только восстановление, но и усиление в данном регионе сасанидского присутствия в годы правления Шапура II, при котором Персидский залив окончательно превратился в *Mare Internum* сасанидского Ирана [7, p. 21].

Таким образом, подчинение Ардаширом Папаканом восточного и южного побережья Аравии следует рассматривать как первый этап длительной борьбы Сасанидов за установление персидского владычества над прибрежной зоной Аравийского полуострова от Южного Ирака до Йемена. Именно здесь располагались древние торговые центры, контроль над которыми позволял Сасанидам не только повысить доходы персидской казны, но и взять в свои руки морскую торговлю между Ближним Востоком и странами, располагавшимися в бассейне Индийского океана. Это имело важное геополитическое значение и серьезно усиливало международное влияние Персидской державы, что было особенно важно в контексте развернувшейся в III в. борьбы Ирана с величайшей мировой державой того времени – Римской империей.

Библиографические ссылки

1. Луконин, В. Г. Иран в III веке. Новые материалы и опыт исторической реконструкции. М., 1979.
2. Overlaet, B. A Himyarite Diplomatic Mission to the Sasanian Court of Bahram II Depicted at Bishapur // *Arabian Archaeology and Epigraphy*. 2009. Vol. 20. P. 218–221.
3. Robin, Ch. J. À propos de Ymnt et Ymn: «nord» et «sud», «droite» et «gauche», dans les inscriptions de l'Arabie antique // *Entre Carthage et l'Arabie heureuse. Mélanges offerts à François Bron / Éd. par Fr. Briquel-Chatonnet, C. Fauveaud et I. Gajda*. Paris, 2013. P. 119–139.
4. Kennet, D. The Decline of Eastern Arabia in the Sasanian Period // *Arabian Archaeology and Epigraphy*. 2007. Vol. 18. P. 86–122.
5. The History of al-Ṭabarī (Ta'rikh al-rusul wa'l-mulūk). Vol. 5. The Sāsānides, the Byzantines, the Lakhmids and Yemen / Transl. and annot. by C. E. Bosworth. New York, 1999.
6. Robin, Ch. J. The Peoples beyond the Arabian Frontier in Late Antiquity: Recent Epigraphic Discoveries and Latest Advances // *Inside and Out. Interactions between Rome and the Peoples on the Arabian and Egyptian Frontiers in Late Antiquity / Ed. by J. H. F. Dijkstra and G. Fisher*. Leuven; Paris; Walpole (MA), 2014. P. 33–79.
7. Herrmann, G. The Sculptures of Bahram II // *The Journal of the Royal Asiatic Society*. 1970. Vol. 2. P. 165–171.

СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЖЕНЩИН В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КРИСТИНЫ ПИЗАНСКОЙ: ЗАЧАТКИ ИДЕЙ ФЕМИНИЗМА

Е. Д. Смирнова

г. Минск, Белорусский государственный университет, smirnova@bsu.by